

М. Пришвин

ЭТАЖИ ЛЕСА

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; разные птички вроде соловья вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает; у берёзы же кора не падает; эта смолистая, белая снаружи кора — берёста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжелённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и падает.

Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово хватить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пенышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить; они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им, — вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся. Давай спрячемся! — И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломали верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

БЕРЕСТЯНАЯ ТРУБОЧКА

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Весной, когда берёста влажная, человек вырежет кусок её для себя, тогда остальная берёста по кругу начинает свёртываться в трубочку. После, вместе с теплом, берёста сохнет и всё туже и туже закручивается. На следующую весну висят уже на берёзах трубочки, и так их бывает много, что не обращаешь внимания.

Но сегодня, выискивая дупло, я захотел посмотреть, нет ли чего в такой трубочке. В первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом удалось палочкой его вытолкнуть. Вокруг берёз не было орешников, и в трубочку орех не мог попасть «сам». По всей вероятности, это его белка спрятала, наверное, понимая, что трубка будет закрываться всё крепче и орех не выпадет. Но мало ореха: снизу в трубочке под прикрытием ореха устроился паучишко и всю внутренность её наполнил паутиной. После мне пришли догадки, что не белка воткнула орех, а ореховка, может быть, выкравшая его из гнезда белки.

Г. Скребицкий

ЛЕСНОЕ ЭХО

Мне было тогда лет пять или шесть. Мы жили в деревне. Однажды мама пошла в лес за земляникой и взяла меня с собой. Земляники в тот год уродилось очень много. Она росла прямо за деревней, на старой лесной вырубке.

Как сейчас, помню я этот день, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет.

День был по-летнему солнечный, жаркий. Но только мы подошли к лесу, вдруг откуда-то набежала синяя тучка, и из неё посыпался частый крупный дождь. А солнце всё продолжало светить. Дождевые капли падали на землю, тяжело шлё-

пались о листья, вспыхивая разноцветными огоньками. Они повисали на траве, на ветвях кустов и деревьев, и в каждой капле отражалось, играло солнышко.

Не успели мы с мамой стать под дерево, как солнечный дождик уже кончился.

— Погляди-ка, Юра, как красиво! — сказала мама, выходя из-под веток.

Я взглянул. Через всё небо разноцветной дугой протянулась радуга. Казалось, что один её конец упирался в нашу деревню, а другой уходил далеко в заречные луга.

— Ух, здóрово! — сказал я. — Как мост. Вот бы по нему пробежаться!

— Ты лучше по земле бегай, — засмеялась мама, и мы пошли в лес собирать землянику.

Мы бродили по полянам возле кочек и пней и всюду находили крупные спелые ягоды.

От нагретой солнцем земли после дождя шёл лёгкий пар. В воздухе пахло цветами, мёдом и земляникой. Потянешь носом этот чудесный запах — будто какой-то душистый сладкий напиток глотнёшь. А чтобы это ещё больше походило на правду, я срывал землянику и клал её не в корзиночку, а прямо в рот.

Я бегал по кустам, стряхивая с них последние дождевые капли. Мама бродила тут же неподалёку, и поэтому мне было вовсе не страшно заблудиться в лесу.

Вдруг большая жёлтая бабочка пролетела над полянкой. Я схватил с головы кепку и помчался за ней. Но бабочка то спускалась к самой траве, то поднималась вверх. Я гонялся, гонялся за ней, да так и не поймал: улетела куда-то в лес.

Совсем запыхавшись, я остановился и огляделся кругом: «А где же мама?» Её нигде не было видно.

— Ау! — закричал я, как, бывало, кричал возле дома, играя в прятки.

И вдруг откуда-то издали, из глубины леса, послышалось ответное: «Ау!»

Я даже вздрогнул. Неужели я так далеко убежал от мамы? Где она? Как же её найти? Весь лес, прежде такой весёлый, теперь показался мне таинственным, страшным.

— Мама! Мама! — что было сил закричал я, уже готовый расплакаться.

«А-ма-ма-ма-ма-а-а!» — будто передразнил меня кто-то вдали. И в ту же минуту из-за соседних кустов выбежала мама.

— Что ты кричишь? Что случилось? — испуганно спросила она.

— Я думал, ты далеко! — сразу успокоившись, ответил я. — Там в лесу кто-то дразнится.

— Кто дразнится? — не поняла мама.

— Не знаю. Я кричу — и он тоже. Вот послушай! — И я опять, но уже храбро крикнул: — Ау! Ау!

«Ау! Ау! Ау!» — отозвалось из лесной дали.

— Да ведь это эхо! — сказала мама.

— Эхо? А что оно там делает?

— Ничего не делает, — ответила мама. — Это твой же голос. Он отдаётся в лесу, а тебе кажется, что кто-то тебе отвечает.

Я недоверчиво слушал маму: «Как же это так? Мой же голос и мне отвечает, да ещё когда я уже сам замолчу».

Я опять попробовал крикнуть:

— Иди сюда!

«Сюда-а-а!» — откликнулось в лесу.

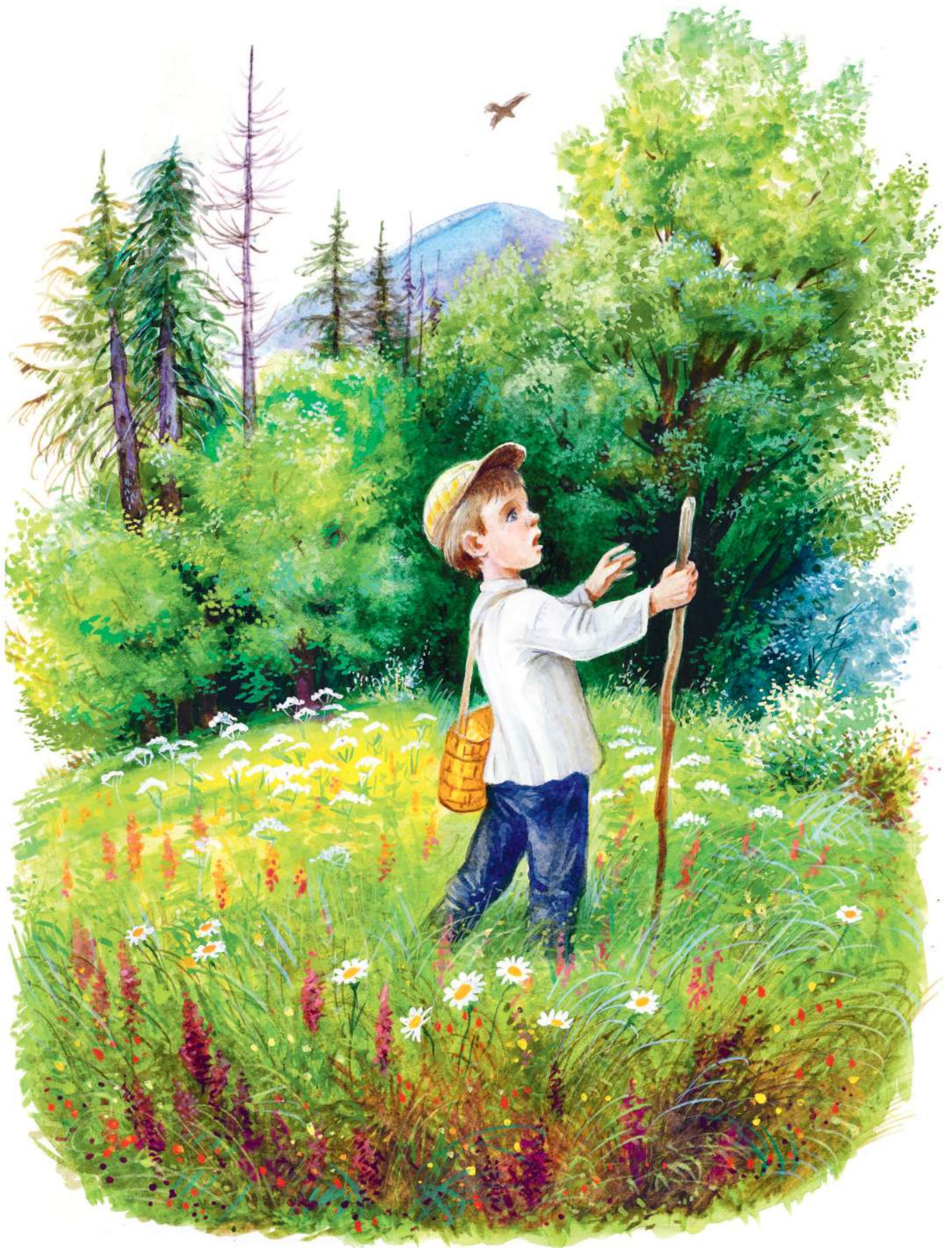
— Мама, а может, там всё-таки кто-нибудь дразнится? — нерешительно спросил я. — Пойдём-ка посмотрим.

— Вот глупый какой! — засмеялась мама. — Ну, пойдём, если хочешь, только никого мы с тобой не найдём.

Я взял маму на всякий случай за руку: «Кто его знает, что это за эхо!» — и мы пошли по дорожке в глубь леса. Изредка я покрикивал:

— Ты здесь?

«Зде-е-есь!» — отвечало впереди.

Мы перебрались через лесной овраг и вышли в светлый берёзовый лесок. Тут было совсем не страшно. Я отпустил мамину руку и побежал вперёд.

И вдруг я увидел «эхо». Оно сидело на пеньке спиной ко мне. Всё серое, в серой лохматой шапке, как леший с картинки из сказок. Я вскрикнул и бросился назад к маме:

— Мама, мама, вон эхо на пеньке сидит!

— Что ты всё глупости говоришь! — рассердилась мама. Взяла опять меня за руку и храбро пошла вперёд.

— А оно нас не тронет? — спрашивал я.

— Не дури, пожалуйста, — ответила мама.

Мы вышли на полянку.

— Вон, вон! — зашептал я.

— Да это же дедушка Кузьма коров пасёт!

Услышав мамин голос, «эхо» обернулось, и я увидел знакомую белую бороду, усы и брови, тоже белые, будто из ваты, будто их нарочно приклеили к загорелому сморщенному, как печёное яблоко, лицу.

— Дедушка, а я думал, ты — эхо! — закричал я, бросаясь к старику.

— Эхо? — удивился тот, опуская деревянную дудочку-жалейку, которую он выстрегивал ножом. — Эхо — это, милый, не человек. Это лесной голос.

— Как лесной голос? — не понял я.

— А так. Вот ты крикнешь в лесу, а он тебе и откликнется. Каждое деревце, каждый кустик отзвук даёт. Вот послушай, как мы с ними перекликаемся.

Дед поднял свою дудочку-жалейку и заиграл нежно, протяжно. Он играл, словно напевал какую-то грустную песенку. А где-то далеко-далеко в лесу ему вторил другой такой же голос.

Подошла мама и села на соседний пенёк. Дедушка кончил играть, и эхо тоже кончило.

— Вот, сынок, слышал теперь, как я с лесом перекликаюсь? — сказал старик. — Эхо — это самая душа леса. Что